

Краткая аннотация книги Джоэла Мигдала “State in Society”

В ходе работы – перед обсуждением книги Джоэла Мигдала “State in Society” – участниками была подготовлена краткая аннотация отдельных глав книги, которая и приводится ниже.

Вторая глава «*A Model of State-Society Relations*» является отправной точкой на пути к понимаю модели, разработанной автором. Глава помогает нам разобраться в том, какие предпосылки существовали для разработки новой теории понимания государства, а также главные положения теории *state-in-society*.

Страны Третьего мира и время деколонизации, когда в обществе укрепляется уверенность в том, что «беднота» и «покоренные народы» при правильном обращении со своим политическим потенциалом способны перейти на новую ступень развития и изменить традиционное устройство общества, дают старт аргументам Мигдала. Осознание новообретенных возможностей подкреплялось научными достижениями теории модернизации: все больше исследований посвящалось изучению аспектов перехода от традиционного общества к современному, а внимание акцентировалось на скрытом политическом потенциале деколонизированных стран. Главное, что, по мнению исследователей, требовалось для реализации модели “can-do”, это эффективная организация бюрократии внутри государства.

Следующий этап в изучении государства, на котором останавливается Мигдал и который он называет “Bringning the State Back in” по названию известной книги 1985 года, в центр внимания ставит понятие автономии государства – то есть независимости государственного аппарата от мощных групп интересов при принятии важнейших реформаторских решений. При этом, как отмечает автор, при таком взгляде на социально-экономические изменения, исследователи часто считали, что воздействие, которые реформы оказывают на население, если не такое же, как планировали полиси-мейкеры, то очень близкое к запланированному.

В свою очередь, теория *state-in-society* ставит под сомнение способность государств Третьего мира к реальным действиям. Среди причин, в частности, высокая степень фрагментации общества и методы управления, нацеленные чаще на желание остаться у власти, нежели вести общество по пути модернизации.

Аргументы Мигдала берут свое начало из неудовлетворенности теориями, пытающихся объяснить феномен государства. В частности, это касается теории социолога Эдварда Шилза об отношениях между центром и периферией, которая, согласно критике, отвечает в большей степени системе организации западных государств. Согласно подходу Шилза, центр составляют три главных компонента: (1) центральная система ценностей, на которые опирается государство; (2) институты, являющиеся агентами интеграции ценностей в общество; (3) и элиты, производящие властные, зачастую непопулярные решения и интегрирующая их через институты. В этой модели периферия же оказывается крайне послушной в исполнении своей пассивной роли, принимая все решения, интегрируемые в общество посредством институтов. Так объясняет изменения, происходящие в обществе, модель Шилза.

Как уже было сказано ранее, критика модели, в основном, связана с (1) очевидной западнической направленностью. Во-вторых, мы вряд ли можем говорить о (2) сильном интегрированном центре с ясной ценностной системой, разделяемой элитой, и набором институтов, являющихся средством распространения ценностной системы на периферию, и слабой периферии по отношению к странам Третьего мира: то есть подход Шилза предлагает изучать страны, которые «пока что» не имеют того, что нужно для модернизации периферии.

Как следствие, Мигдал утверждает, что в таких странах в центре могут сосуществовать и конкурировать несколько ценностных систем (как, впрочем, и в самых странах Запада).

В свете представленной критики возникает необходимость в изучении государства с фокусом не столько на его формальной роли, сколько на его действия в обществе. Мигдал обращает внимание на то, что внутри государства существует большое количество отдельных социальных организаций, как формальных, так и неформальных, претендующих на социальный контроль и разработку каких-то норм и правил (то, что Мигдал определяет как власть – субординацию индивидуальных предпочтений поведению, предписываемому как правильное этими организациями), и государство является ли одной из таких организаций. И при том, что государство стремится быть монополистом по разработке норм и правил, другие социальные организации (например, семья) часто бросают вызов государству. Они начинают взаимодействовать между собой и с частями государства (например, с группами низовой бюрократии), разрабатывая оппозиционные по отношению к государству практики поведения. То есть такие коалиции возникают на пересечении общественного и государственного (само разделение на две эти группы теряет смысл). Борьба между различными социальными организациями является ключом к пониманию социальных изменений, поэтому требовалась разработка теории, которая бы принимала этот аспект во внимание.

Такой теорией является *state-in-society*, в рамках которой общество определяется как смесь (*mélange*) социальных организаций, включая государство, которые предлагают различные стратегии поведения для индивидов (чьим нормам и правилам следовать). В свою очередь, выбор последних зависит от нескольких факторов: (1) материальная выгода, (2) принуждение, а также (3) использование символов и ценностей, демонстрирующих стандарты поведения. Теория *state-in-society* определяет общество как постоянно изменяющуюся под воздействием борьбы формацию: функционирующие социальные организации, находящиеся в состоянии конфликта и борьбы за социальный контроль, предлагают различные стратегии поведения, в результате чего со временем происходят социальные изменения. Согласно теории, существуют три уровня социального контроля: (1) исполнение (*compliance*): уровень того, как население отвечает требованиям государства; (2) участие: государство организует население для выполнения специальных задач через институты; (3) уровень легитимности: не простое следование установленным правилам, но их одобрение и принятие. Из теории следует – чем выше социальный контроль, тем больше возможностей для достижения поставленных организацией целей, будь то государство или же другая социальная организация.

Модель Мигдала представляет центр в зависимости от периферии, другими словами, государство-центр – действует с согласия и при поддержке общества, что противостоит логике модели Шилза. Множеству социальных групп – периферии – доступны ресурсы для того, чтобы получить право на социальный контроль.

В заключении главы Мигдал останавливает внимание на двух основных выводах: (1) на государство оказывается влияние извне: оно трансформируется под воздействием организованных социальных групп, и (2) общество, в свою очередь, также формируется под воздействием государства: оно находится в зависимости от возможностей и ограничений, интегрируемых государством в общество, что подчеркивает наличие связи и ее важность между центром и периферией.

В третьей главе Дж. Мигдал обращается к определению «сильных» и «слабых» государств в контексте развития стран «Третьего Мира». Критикуя предыдущие подходы к определению автономии, силы и слабости государства, автор предлагает рассматривать государственных лидеров как акторов, действующих в условиях множественных ограничений и дилемм.

В отличие от международной арены с ее ограничениями, внутренняя политика дает государству больше свободы для реализации его ключевой цели – господства над другими социальными организациями. По мнению автора, от способности государства издавать законы, которым следуют все, зависит его сила или слабость. В новых независимых государствах эта задача стоит особенно остро, так как новые правила игры создаются в условиях борьбы различных социальных групп (племен, кланов и т.п.)

Устанавливая новые нормы, государственный лидер встает перед дилеммой. С одной стороны, для внедрения правил необходимы сильные государственные учреждения, например, армия или бюрократия. Однако необходимость в сильных агентствах вступает в конфликт с интересом выживания самого лидера, который рискует быть свергнутым представителями усилившегося государственного института.

Государственным лидерам часто приходится жертвовать эффективностью политики ради выживания. Для этого применяются различные стратегии: постоянная перетасовка руководящих кадров, назначение персонально лояльных к лидеру или кооптацию оппозиционных деятелей, создание бюрократических структур с перекрестным функционалом, наконец, преследование и репрессии отдельных деятелей. Часто наблюдается и выстраивание коалиций для поддержания режима, через распределение ренты, ресурсов и других привилегий лояльным группам.

Политика выживания особенно сказывается на средней и низовой бюрократии, занимающейся непосредственной имплементацией политических курсов. Действия лидера по ослаблению государственных структур способствуют неопределенности, в которой ключевым стимулом бюрократии становится карьеризм и сохранение своего места. Бюрократия стремится обезопасить себя от контроля сверху и потока негативной информации от социальных групп, с которыми она взаимодействует на локальном уровне. В результате действия государственных служащих по имплементации политического курса превращаются в символические мероприятия (tokenism).

Мигдал заключает, что для понимания значимости политики выживания, и как следствие, силы государства, исследователям необходимо обращать особое внимание на структуру общества. В случае социальной фрагментации трудно говорить об автономии государства, скорее, о его способности приспосабливаться к сложившимся социальным условиям.

Сильные государства, слабые государства: власть и согласование интересов (accommodation)

Свое рассуждение Дж. Мигдал начинает с замечания о том, что в литературе 1970-1980-х гг можно обнаружить двойственное и даже противоречивое изображение государств в странах-бывших колониях. Одни исследователи представляют государства сильными, говоря об их ведущей роли в социальных трансформациях, в адаптации общества к различным вызовам. Другие, напротив, говорят о слабости и беспомощности государств перед лицом социальных изменений, которым подверглись общества и в значительной степени независимо от самого государства¹.

Первые — ученые, работающие преимущественно в рамках теорий корпоратизма и бюрократического авторитаризма, — отводят центральное место политике (politics) и подчеркивают активность и силу государств Третьего мира в регулировании и даже организации конфликтов, происходящих в процессе индустриализации, в мобилизации определенных социальных групп, поощрении одних и подавлении других². Вторые —

¹ Migdal J. S. State in society: Studying how states and societies transform and constitute one another. – Cambridge University Press, 2001. p.58

² Migdal J. S. Op. Cit. p.60

уделяющие более пристальное внимание политическому (policy) процессу — указывают на нестабильность государств и их неспособность достижения поставленных целей, на расхождение между объявленной государственной политикой и фактическим следованием общества этой политике. Несмотря на то, что в конституциях и законодательствах этих государств центральные органы власти наделяются большим объемом контрольных полномочий, в действительности ограниченный успех правительств в обеспечении соблюдения собственного законодательства свидетельствует о том, что степень этого контроля не велика³.

Какой же портрет все же ближе к истине?

Для того, чтобы ответить на этот вопрос, Дж. Мигдал предлагает сначала понять, что представляет собой государство. Он утверждает, что государство является частью общества. Это огромная социальная организация, которая соседствует с множеством других официальных и неофициальных и во многом с ними схожа. Отличие его в том, что оно стремится доминировать над остальными, устанавливая правила, регламентирующие поведение людей (или хотя бы санкционируя определение этих правил другими организациями)⁴.

Следовательно, слабое государство отличается от сильного тем, кто на самом деле устанавливает правила⁵. Политики (policies), подчеркивает автор, не реализуются в вакууме и практически всегда встречают сопротивление тех, кто заинтересован в статус-кво. Поэтому успешность имплементации оказывается детерминирована структурными аспектами среды, распределением власти в ней⁶ (*т.е. тем, чьи выполняются правила*).

Можно заключить, что для построения сильного государства, которое могло бы устанавливать правила в обществе и обеспечивать их выполнение, требуется создание как можно более сильного аппарата. Однако, делает вывод Дж. Мигдал, государственные лидеры оказываются между Сциллой и Харибдой. Угрозу их власти могут представлять не только сильные люди на местах со своими правилами и (*образующими патрон-клиентские сети*) «стратегиями выживания»⁷, устраивающими население и обеспечивающими какую-никакую социальную стабильность, но и сами по себе органы государства, концентрирующие власть и ресурсы⁸. Они, с одной стороны, служат каналами для обеспечения политической мобилизации и центростремительных сил. Но в тоже время сами становятся источниками сил центробежных: с течением времени в государственных агентствах складывается система общих определенных взглядов, развиваемая и поддерживаемая чиновниками высшего звена, относительно целей и функционирования всего государственного аппарата⁹.

Эта дилемма, с которой сталкиваются государственные лидеры, вынуждает их целенаправленно ослаблять свои государственные органы, и усиливать позиции тех, кто играет по своим правилам, противоречащим государственным. Такие меры, направленные на предотвращение возникновения какой-либо большой концентрации власти, Мигдал предлагает обозначить как «стратегии политики выживания»¹⁰.

Первая из них — **ротация кадров** (*“Big Shuffle”*), предпринимаемая государственными

³ Migdal J. S. Op. Cit. p.61-62

⁴ Migdal J. S. Op. Cit. p.63

⁵ Migdal J. S. Op. Cit. p.64

⁶ Migdal J. S. Op. Cit. p.66

⁷ Migdal J. S. Op. Cit. p.67

⁸ Migdal J. S. Op. Cit. p.68

⁹ Migdal J. S. Op. Cit. p.72

¹⁰ Ibidem

лидерами и направленная в первую очередь на предотвращение развития лояльности в потенциально сильных агентствах. Постоянная перестановка кадров представляет собой особый механизм сознательного ослабления ветвей государственного аппарата – своего рода деинституционализация – в целях укрепления позиций высшего государственного руководства¹¹.

Второй инструмент — **назначение на должности** на основе подконтрольности, а не заслуг (*nonmerit appointment*). Пожалуй, самый распространенный метод — назначение на ключевые посты на основе личных характеристик (не относящихся к компетентности) и связей: глубокой личной преданности, территориальной общности происхождения, этнической, племенной, конфессиональной общности, родственных, а также школьных, университетских связей¹². Еще одним основанием для назначения на государственные должности является кооптация тех, кто находится вне государственной организации и может составить конкуренцию центральной власти¹³. Третья основа рекрутирования в государственном секторе — «этнический торг» (*“ethnic bargaining”*), что предполагает своеобразную кооптацию, на основе групповой идентичности¹⁴. В результате подобной раздачи должностей государство приобретает характеристики патримониальной системы.

Следующий способ — **создание бюрократических структур с дублирующими функциями** (*overlapping bureaucratic functions*), ограничивающее prerogatives какого-либо одного государственного органа. Государство превращается в лабиринт из государственных учреждений с огромным числом служащих. Это негативным образом сказывается на координации учреждений и в целом на способности проведения социальной политики, но отвечает целям политического выживания государственных лидеров, препятствуя концентрации власти¹⁵.

Еще один прием — **«грязные трюки»** (*“dirty tricks”*). Примерами таких действий, направленных на удаление ключевых фигур, могут служить тюремные заключения, депортации, похищения, пытки, запугивания¹⁶.

И последняя мера политики выживания — **выстраивание коалиций и внутренний баланс сил**. Стратегия ослабления государственных органов и других общественных организаций имеет свои пределы. В конце концов, госорганы собирают налоги и патрулируют улицы, крупные предприятия производят товары, которые приносят крайне необходимый доход, другие организации налаживают коммуникацию между государством и обществом и поддерживают социальную стабильность и т.д.¹⁷. Поэтому государственные лидеры должны либо поставить учреждения под свой централизованный контроль, либо найти какой-то способ, чтобы справиться с исходящей от них угрозой власти. Например, подкуп (выгодным налогообложением и проч.). Иной способ — вступление в свободные, часто меняющиеся коалиции с сильнейшими государственными агентствами и негосударственными организациями. В этих коалициях государственные лидеры могут натравливать агентства и организации друг на друга, а также создавать альянсы, направленные на другие угрожающие группы¹⁸.

Дж. Мигдал указывает на важное следствие такой политики выживания высшего

¹¹ Ibidem

¹² Migdal J. S. Op. Cit. p.75

¹³ Migdal J. S. Op. Cit. p.76

¹⁴ Migdal J. S. Op. Cit. p.77

¹⁵ Migdal J. S. Op. Cit. p.79

¹⁶ Migdal J. S. Op. Cit. p.80

¹⁷ Migdal J. S. Op. Cit. p.81

¹⁸ Migdal J. S. Op. Cit. p.82

руководства. Она оказывает воздействие на тех, кто находится на более низких ступенях государственной иерархии – бюрократов среднего уровня, отвечающих за реализацию политики на местах. И хотя **имплементаторы** (*implementors*) не представляют опасности создания центров власти, которые могли бы угрожать позициям государственных лидеров, они, тем не менее, имеют решающее значение в определении того, чья власть или правила – государства или местных лидеров, конкурирующих с центральной властью, – получают распространение в регионах. Эти чиновники, заключает Дж. Мигдал, по сути, решающие игроки в политическом процессе.¹⁹

Кто такие имплементаторы? Это чиновники среднего звена, которые обеспечивают реализацию программ на местах. Они поддерживают частые контакты с центральным и региональным руководством, а также имеют возможность взаимодействовать с клиентами государственных учреждений и оппонентами программ на местном уровне. Они могут иметь значительную дискрецию в выполнении своих задач, а также, даже если это не входит в их формальные обязанности, серьезное влияние на решения о распределении средств²⁰.

Наиболее очевидно, что имплементаторы оказываются под влиянием своих руководителей. Также влияние оказывают клиенты программы – т.е. на кого направлена политика. Кроме того, региональные акторы из других государственных органов и спонсируемой правительством партии, заинтересованные в распределении ресурсов и изменении правил в пределах их юрисдикции. Наконец, негосударственные местные лидеры, чьему социальному контролю угрожает новая политика. Помимо этого имплементаторами также движут свои собственные карьерные устремления.²¹

В учреждениях, где подотчетность и контроль высокие, и особенно там, где руководство готово защищать своих подчиненных от групп давления, как правило, сотрудники имеют высокий моральный дух и следуют целям, заложенным в законе или программе.²²

Политика выживания, как утверждает Дж. Мигдал, как раз снижает подотчетность и контроль²³. Назначение руководителей государственных органов на основании их лояльности негативно сказывается на эффективности работы бюро. Такие назначения также подрывают единство цели сотрудников учреждения и мотивацию, которая исходит из убеждения, что строгое следование правилам в интересах нации. В большей степени эффективность реализации политики снижают частые ротационные перемещения руководителей, которые приходят в новое учреждение со своими собственными политическими повестками дня. При частой же смене руководства и их политики, имплементаторы, прикладывая гораздо меньше усилий при ее реализации²⁴. С одной стороны, в противостоянии группам давления: как правило, имплементаторы вынуждены балансировать между местными лидерами и другими государственными и партийными чиновниками, идя с ними на компромиссы (*accommodations*)²⁵. С другой, становятся очень осторожными, опасаясь слишком публичной идентификации с какой-либо политикой, которая может не импонировать следующей администрации²⁶.

¹⁹ Migdal J. S. Op. Cit. p.84

²⁰ Cit. Merilee S. Grindle, "The Implementor: Political Constraints on Rural Development in Mexico," in Merilee S. Grindle (ed.), *Politics and Policy Implementation in the Third World* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1980), p. 197.

²¹ Migdal J. S. Op. Cit. p.85

²² Ibidem

²³ Migdal J. S. Op. Cit. p.86

²⁴ Migdal J. S. Op. Cit. p.86

²⁵ Migdal J. S. Op. Cit. p.89

²⁶ Migdal J. S. Op. Cit. p.86

Государство, заключает Дж. Мигдал, в фрагментированных обществах становится грандиозной ареной согласования интересов (*grand arena of accommodation*). Такое согласование происходит как минимум на двух уровнях²⁷.

Во-первых, местные и региональные лидеры, политики и имплементаторы согласуют интересы друг друга в паутине политических, экономических и социальных обменов. Их торг (*bargaining*) в конечном счете определяет распределение государственных ресурсов, направленных в регион. Во-вторых, согласование интересов также существует в гораздо большем масштабе. Стабильность на местном уровне, которую могут обеспечить местные лидеры, имеет решающее значение для общей стабильности режима. Государственные лидеры принимают эту стабильность, в обмен на молчаливое согласие не оспаривать контроль местных лидеров над локальной территорией или даже их захват государственных бюрократических структур (*bureaucratic tentacles of the state*), обеспечивающий контроль над ресурсами²⁸.

Поэтому, перераспределительные политические курсы (доходов или власти) в итоге часто имеют противоположный эффект и фактически только укрепляют существующее распределение²⁹.

В четвертой главе “Антропология государства. Борьба за доминирование” Дж. Мигдал предлагает концепцию давления, с которым сталкивается государство на четырех различных уровнях. Это давление происходит в пределах общественных “арен”, и определяется понятиями доминирования и несогласия. Борьба за доминирование, по мнению Мигдала, это не просто вопрос того, кто занимает руководящее положение в государстве. Он отмечает, что подобные конфликты могут происходить и среди маломасштабных социальных сил – т.е. борьба за доминирование имеет место на многочисленных аренах, например, между общественными и государственными институтами. В некоторых случаях результаты борьбы могут привести общество к интегрированному доминированию, при котором государство или другие социальные силы устанавливают свою власть повсеместно. В других случаях, конфликты могут привести к дезинтегрированному доминированию, где ни государство, ни любая другая социальная сила не достигают всеобъемлющего доминирования и где отдельные части государства могут быть ориентированы на различные цели.

Давление, оказываемое на государство, приводит к его трансформации, отмечает Мигдал, изменяет его социальные и идеологические установки. Уровни государственных структур, которые подвержены подобному давлению, Мигдал подразделяет на 4 типа: (1) the Trenches, (2) the Dispersed Field Offices, (3) the Agency’s Central Offices и (4) The Commanding Heights. На основании этого деления Мигдал приходит к выводу, что чем более разнообразны и разнородны массивы давлений, особенно, когда есть сильное давление со стороны внутренних и внешних социальных сил, тем меньше вероятность того, что государство будет поддерживать последовательную систему поведения для всех его частей.

Пятая глава *Why Do So Many States Stay Intact?* пытается объяснить причины целостности (невредимости) государств. Автор задается вопросом, какие силы удерживают государство от распада? почему при неэффективности государства в распределении благ сохраняется его поддержка? Откуда она берется?

Мигдал утверждает, что государства стали универсальной политической формой существования. После второй мировой войны количество государств утроилось, однако

²⁷ Migdal J. S. Op. Cit. p.92

²⁸ Ibidem

²⁹ Migdal J. S. Op. Cit. p.94

многие по своему качеству не были внутренне согласованны и имели низкую способность проводить эффективную государственную политику. Однако, несмотря на государственную слабость, они продолжали существовать и не подвергались угрозе распада.

Автор выдвигает несколько причин, которые вероятно могли бы объяснить нерушимость государств: система международных институтов и связей; организационные теории и сопутствующий обмен лояльности на доступ к общественным благам; патрон - клиентские отношения. В результате анализа факторов, Мигдал отвергает каждый из них, и говорит о том, что существует более сильная причина, которая удерживает государства от распада – наличие объединяющего смысла - «meaning», который формируется через законы, ритуалы, взаимодействие в публичной сфере. Именно общий смысл заставляет прижиться (натурализоваться) государству. Государство становится неотъемлемым атрибутом жизни, без которого ее нельзя представить. Если такая вера является широкораспространенной, то она обеспечивает противодействие дезинтеграционным силам и выступает в качестве объединяющего фактора. Данный подход апеллирует к чувствам и неформальным договоренностям, которые установились в обществе.

Глава «Индивидуальные изменения в контексте социальных и политических изменений» посвящена рассмотрению, с одной стороны, теорий индивидуального изменения в контексте работ посвященных третьему миру, а с другой она демонстрирует неадекватное соотношение микро-теорий с макро-теориями. В результате такого соотношения теории, объясняющие социальные и политические изменения опираются на микро-теоретические основы, которые, в свою очередь, обладают объяснительной силой только для небольших сообществ. По мнению автора, любая теория социальных или политических изменений должна объяснять изменения индивидуальные, так как это тесно связанные явления, однако работы, ставящие своей целью генерализацию узконаправленных исследований представляются не релевантными относительно глобальных процессов. Мигдал приводит несколько исследований, посвященных индивидуальным трансформациям разных сообществ и отмечает, что каждый из авторов пробует выделить некие характеристики или набор «правил» при которых общество начинает двигаться в сторону модернизации или, напротив, развивается в обратном направлении. Мигдал отмечает несколько проблем – выборка, которая не дает нам представлений о генеральной совокупности и совершенно разный для каждого случая набор правил, задающийся социальными и политическими институтами разных стран.

Седьмая глава книги под названием “Studying the Politics of Development and Change. The State of Art” представляет собой обзор основных моментов исследований в сфере развития и изменений со второй половины 20 века.

Изначально, начиная с 1950-х годов центральное место занимает традиция изучения модернизации, отражающей идею о постепенном развитии стран третьего мира до уровня “современного” Запада. Появляются деления на центр/периферию, элиту/массы, Великую/малую традиции и др. В частности, такого рода исследования проводились **С Хантингтоном, Г. Алмондом, Л. Лернером.**

Последний сформулировал 3 основных тезиса, вокруг которых строятся последующие исследования модернизации: 1) фокус на внутренней политике, 2) интерес к созданию центральных институтов и их деятельности по трансформации общества, 3) оценка значимости индивидов в процессах изменений.

В 1970-80-е годы ситуация меняется. Так, исследования развития и изменений перестают ограничиваться странами третьего мира, появляются международная и историческая перспективы.

После осознания сходства процессов, происходящих в странах третьего и первого миров делается возможным перенос ряда концепций на страны Запада. Так, например, возрождается корпоратистский подход к анализу государства и неокорпоратизм, как модель выстраивания отношений элит с обществом.

Возврат к истории, как отмечал **Г. Алмонд**, происходит от идеи наличия сходных сюжетов в истории Западных стран и современности третьего мира. Это подразумевало поиск в истории похожих эпизодов и изобретения на их основе “рецептов” для настоящего. Затем возникает дискуссия о релевантности европейского пути развития для стран современного третьего мира, ставится под сомнение модель центр-периферия. Постепенно произошел отказ от поиска универсальной модели для объяснений происходящих процессов, однако полностью связь исторического развития Европы и третьего мира не исключается.

Появляются исследования в рамках неоинституциональной традиции. Институт - система правил игры, меняются в предельных случаях. Сначала происходит изменение среды, а затем соответствующее приспособление института; институты меняются постепенно (Д. Норт). В других исследованиях отмечается наличие временного лага (**С. Краснер**), влияние циклов и кризисов (**Н. Кондратьев, Й. Шумпетер**). Таким образом, линия истории уже не напоминает плавную кривую.

Международная перспектива появляется у исследований процессов развития с осознанием их взаимозависимости. Появляются работы, анализирующие зависимость стран-экспортеров третьего мира от политических и экономических процессов в импортирующих странах центра. Дж. Мигдал отмечает опасность того, что концепция зависимости может стать переменной, объясняющей все случаи и не позволяющей раскрыть более глубокие сюжеты.

Причем теория зависимости не воспринимает государство как целого, единичного актора.

В теории международных отношений в это время развивается неолиберальная традиция. Кохэйн и Най предлагают менее государство-центричную рамку для анализа международных отношений, говоря о том, что взаимодействия могут быть как конфликтными, так и мирными. Все это позволяет им говорить о некоторой взаимозависимости в едином транснациональном обществе.

В исследованиях развития появляется мир-системный подход (И. Валлерстайн). В нем говорится о мире, как единой системе, отрицается восприятие отдельных обществ разного уровня как единиц анализа. Используется метафора центр-периферия, впрочем уже не являющаяся строгой дихотомией, а предполагающая некий континуум.

В центре фокуса разных подходов так или иначе стоит власть (authority), ее способность осуществлять трансформации в обществе. Ведутся дискуссии между государственно-ориентированными и общественно-направленными подходами. В общем и целом, государство по-прежнему остается в центре множества объяснительных теорий (ярким примером является концепция бюрократического авторитаризма Г. О’Доннелла).